

Г.С. Чернова

И.В. КИРЕЕВСКИЙ – О ЗАДАЧАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Идейно-теоретическое наследие И.В. Киреевского, одного из основоположников и видных деятелей раннего славянофильства, вот уже полтора века остается предметом идеологических и научных споров историков, политологов, экономистов философов. Однако Киреевский считал себя, прежде всего, публицистом, «литератором», чье призвание – «содействовать просвещению народа». Близкие друзья видели в нем талантливого литературного критика, который хотел дать русской словесности «свое направление».

За свою жизнь Киреевскому удалось опубликовать всего 19 статей, посвященных непосредственно литературе: трижды он объявлялся правительством человеком «неблагомыслящим и неблагонадежным», трижды ему пришлось испытать на себе «запрет на профессию» и, в итоге, он был обречен на 21 год молчания. Тем не менее, Киреевский вписал важную страницу в историю критики: с его именем связано начало философско-религиозного ее направления, он первым обосновал духовные ориентиры русского искусства. И сегодня, когда вновь встал вопрос о национальной специфике нашей культуры, литературно-критические суждения Киреевского дают серьезный поучительный урок.

Теоретической основой литературных оценок Киреевского было учение Ф.В. Шеллинга о соответствии искусства определенным фазам человеческой истории, а также его философия истории, согласно которой каждый народ должен развивать те начала своей жизни, которые сообщают ему особый характер, отличия от других народов, национальность. Но эти общие положения с годами наполнялись Киреевским своим содержанием. Его критическая мысль

развивалась, этические и эстетические критерии уточнялись. Поэтому суждения Киреевского о целях и задачах искусства, о назначении художника, о народности литературы необходимо рассматривать в динамике, учитывая его философскую и духовную эволюцию.

В качестве критика Киреевский выступил в 1828 г., опубликовав статью «Нечто о характере поэзии Пушкина». По свидетельству А.И.Кошелева, близкого друга и первого биографа Киреевского, в это время «он был далек от христианского мировоззрения в науке» [1.Т.1.Р.1.С.7].

Главным достоинством его первой работы традиционно считается принцип историзма, который позволил автору установить «итальянско-французский», «байронический» и «русско-пушкинский периоды» в творчестве А.С.Пушкина. Неоднократно исследователи отмечали, что В.Г.Белинский использовал его характеристику Пушкина как «поэта действительности».

Это верно, но необходимо сделать ряд существенных уточнений. Говоря об историзме критики Киреевского, следует иметь в виду, что он понимал «действительность» не только как социальные или политические обстоятельства. С его точки зрения, «действительность» – это господствующие в определенную эпоху «воззрения на мир и человека». Другими словами, он вкладывает в понятие «действительность» мировоззренческий смысл. Позже, в статье «Девятнадцатый век» (1832) Киреевский более четко определил «реальность» как познание бытия, а в философских работах 1850-х гг. добавил, что познавательные процессы связаны с духовной жизнью человека.

В первой литературно-критической работе Киреевский отметил связь творчества Пушкина с изменениями «умственных настроений» людей его поколения. В ранней поэзии Пушкина автор статьи усматривал отражение оптимистического мировосприятия, свойственного юности. «Сомнения разума», которые испытывали современники поэта в начале 1820-х гг., обусловили «байронизм» его творчества. «Прозаическое состояние умов» в конце 1820-х гг. стало определяющим в отходе Пушкина от «байронизма». «Жизнь действительная и человек нашего времени с их пустотой, ничтожностью и прозой делают предмет его песен», - пишет Киреевский [1.Т.1.Р.2.С.9]. В результате поэт создает характер Онегина, человека «обыкновенного», неисключительного,

не способного жить «внутри себя жизнью особенною, отменною от других людей». Конечно, критика можно упрекнуть в том, что он не разглядел в герое Пушкина глубины и неоднозначности. Но едва ли невысокая оценка Киреевским характера Онегина объяснялась лишь его знакомством с первыми опубликованными главами романа. В ней, этой оценке, просматриваются наметки отношения Киреевского к той части «образованного меньшинства», которую впоследствии он будет упрекать за оторванность от «почвы», от национальных корней. Не случайно критик назвал Онегина «Чайльд Гарольдом нашего отечества», намекая на заимствованность «образа мыслей» и, как следствие, «отношения ко всему окружающему». А Пушкина он приветствовал за то, что поэт верно почувствовал сущность такого типа и развенчал его в своем произведении.

Третий период в творчестве Пушкина Киреевский связывает с развитием у «всех благомыслящих людей» чувства сопричастности судьбе своего народа. Достоинством Пушкина-человека критик считал его «способность понять центр сердечной жизни народа». Заслугой Пушкина-художника он называл умение показать не только добродетели, но и недостатки русского национального характера: «смелость и беспечность, неукротимость минутных желаний, великодушие, запальчивость, понятливость, добродушие и пр., и пр. [1.Т.1.Р.2.С.17]. Эти качества Пушкина-человека и художника делают его творчество народным. Именно народность, по убеждению Киреевского, является, с одной стороны, залогом «беспрестанного усовершенствования» его поэзии, а с другой – определяет «сильное влияние, которое Пушкин имеет на своих соотечественников» [1.Т.1.Р.2.С.18].

Выступление в печати молодого критика не осталось незамеченным. Высоко оценил его Пушкин, отметив «богатство содержания» и «полноту мысли». Но сам автор не был им удовлетворен. «Я написал одну статью, говоря по совести, довольно плохо, и если бы мог, уничтожил бы ее теперь», - признавался он в письме к Кошелеву (1 октября 1828г.) [1.Т.1.Р.1. С.17]. Очевидно, не собственные оценки Пушкина не устраивали Киреевского. Ему самому еще не было ясно, что составляет «центр сердечной жизни народа». Поэтому определение народности поэзии Пушкина не получило ни этического, ни идеологического обоснования.

В «Обзрении русской словесности за 1829 год» (1830) Киреевский развивает основополагающую мысль, высказанную в предыдущей статье о связи литературы с мировоззрением современников. Русские читатели, подчеркивает он в «Обзрении...», всегда в художественных произведениях «искали философии, полного выражения человека» [1.Т.1.Р.2.С.22]. Поэтому «господствующими умственными настроениями» он определяет три периода в литературе XIX в.: «карамзинский», «жуковский» и «пушкинский». Карамзин отразил увлечения современников теориями французских просветителей о естественном праве. Жуковский почувствовал потребность русской души в идеальном, поэтическом, мечтательном, которую в его время удовлетворяла немецкая философия и поэзия, и обратился к поэзии и философии немецкой. Пушкин – пока единственный поэт, который выразил «интерес нового поколения к истории природы и человека». Но для плодотворного развития литературы необходима философия, которая осмысливает идейные и этические устремления нации, – считает Киреевский. «Но где искать ее? (философию. – Г.Ч.). Чужие мысли полезны только для развития собственных <...>. Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта» [1.Т.1.Р.2.С.33]. Критик усматривает ее задачу в обосновании «русского просвещения», т.е. национальной идеи. А роль литературы, с его точки зрения, состоит в отражении «умственных сокровищ своей страны». Соответственно определялось назначение художника: «Поэт для настоящего, что историк для прошедшего: проводник народного самосознания» [1.Т.1.Р.1.С.23]. Киреевский, таким образом, отметил философско-идеологическую обусловленность литературы и предсказал направление, которое развивали лучшие ее представители. Русская литература действительно стала выражением «умственных стремлений времени», а философичность и идеологизированность определили ее национальные особенности.

Статья «Девятнадцатый век» (1832) была посвящена, в основном, философским проблемам, но она важна для понимания теоретических основ дальнейших критических суждений Киреевского.

Работа была опубликована в №1 издаваемого им журнала «Европеец». Кошелев заметил, что само название указывает на тогдашний образ мысли Киреевского [1.Т.1.Р.1.С.79]. Конечно, критик

оставался еще поклонником европейской философии. В то же время в мировоззрении Киреевского наметился кризис рационализма. В «Девятнадцатом веке» он доказывал, что «характер времени», эпоха, поставили задачу «сближения людей и народов» с религией. С одной стороны, она обуславливает цельность личности, поскольку «весь человек – это его вера». А с другой – религия определяет самобытность национальной культуры, которая выражается в истории, в преданиях, в государственном устройстве, в семейных отношениях, в обрядах. Данное положение становится основополагающим в религиозно-идеологическом обосновании Киреевским понятия народности. Но об определяющем значении православия для русского сознания и «единомыслия народа» он будет писать позже.

Эти общие установки конкретизировались в «Обзрении русской словесности за 1831 год» (1832).

Киреевский начинает с характеристики «нашего литературного развития». Причем он отмечает связь словесности не только с современным состоянием философской мысли, но и с условиями общественной жизни тогдашней России. В то время как в других европейских странах государственные дела являются предметом свободного обсуждения, «у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой <...> Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества» [1.Т.1.Р.2.С.87]. Нельзя не почувствовать иронии в словах Киреевского о «прозорливом правительстве». По сути, он, как позже А.И. Герцен, объяснил особый характер русской литературы отсутствием в стране политических свобод. Правда, Герцен усматривал в этом причину социальности литературы, назвав ее «единственной трибуной, с высоты которой он (народ. – Г.Ч.) заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [2.С.198]. А Киреевский считал, что литература является «единственным указателем нашего умственного развития», которое он понимал не столько как политическое, сколько как нравственно-философское. В этом была одна из причин, по которой Киреевский не принял впоследствии «натуральную школу».

Далее Киреевский переходит к анализу трагедии Пушкина «Борис Годунов». Автор статьи утверждает, что современная критика

оказалась неготовой к восприятию этого произведения. Главным адресатом его полемического заявления был Н.И.Надеждин. Имени его Киреевский не назвал, но было ясно, что он оспаривал основные положения статьи Надеждина «Отклик на «Бориса Годунова».

Автор «Отклика...» упрекал Пушкина в уступках романтизму за «фарсовые сцены и эпизоды» и раздвоение авторского интереса между Годуновым и Самозванцем. Зато он приветствовал создание Пушкиным «истории в лицах», драму русской жизни начала XVII в.

Киреевский был убежден, что «журналист» не понял замысел Пушкина. Не только историческое событие, «действие», но и «мысль» явились предметом изображения «Бориса Годунова». Поэтому «все лица и все сцены трагедии развиты в одном отношении: в отношении к последствиям цареубийства» [1.Т.1.Р.2.С.91-92]. «Коренная мысль» – это нравственная оценка преступления Бориса. А поскольку носителем этических начал Киреевский считал всю нацию, то выразителями «коренной мысли» он называл самые разные персонажи: начиная с царедворцев и кончая «старым отшельником» Пименом. Поступок Бориса, убийство малолетнего царевича Димитрия, противоречил общенациональной этике, что, как подчеркивал критик, не могло не привести к «государственным последствиям»: народным волнениям, военным успехам самозванца, наконец, «громкому ниспровержению несправедного царствовавшего дома» [1.Т.1.Р.2.С.93].

С этой точки зрения «Борис Годунов» оценивался Киреевским как произведение народное, а Пушкин как поэт-философ, выразивший национальные представления о добре и зле. Следует отметить, что сам Пушкин признавал, что Киреевский был ближе, чем другие критики, к пониманию его авторского замысла. Он высоко ценил молодого издателя «Европейца», отмечал его «ученость, любовь к искусству и таланты» [3.Т.6.С.539]. По свидетельству Кошелева, Пушкин обещал свое «полное и деятельное сотрудничество» с журналом. Но интриги литературных врагов привели к закрытию в 1832 г. «Европейца», и только вмешательство В.А. Жуковского спасло Киреевского от ареста.

Следующая крупная литературно-критическая статья Киреевского после большого перерыва появилась лишь в 1845 г. За годы, предшествовавшие ей, из «колеблющегося философа» он превра-

тился в твердо верующего человека. Современники отмечали влияние А.С.Хомякова и младшего брата, П.В.Киреевского, на изменение его исторических взглядов. Вместе с ними Киреевский возглавил «новое умственное движение», которое сам назвал «православно-славянским» или «славянофильским».

Но поворотную роль в духовной эволюции Киреевского сыграли его знакомство со старцем Московского Новоспасского монастыря Филаретом и последующая за тем тесная связь с монахами Оптиной пустыни. «Усердное чтение и добросовестное изучение святоотеческих писаний открыло перед ним новый мир, дало ему то содержание для философии, которое он тщетно искал в системах Германии», – отметил один из первых исследователей творческого наследия Киреевского В. Лисневский [4.С.50]. Действительно, в памятниках древнерусской культуры Киреевский находил образец мышления, единство веры и разума. Но он понимал, что «возобновить философию Св. Отцов в том виде, как она была в их времена невозможно» [1.Т.1.Р.2.С.314]. Вопреки сложившейся в западных и демократических кругах 1840-х и 1850-х гг. легенде, Киреевский не был мракобесом, враждебным прогрессу. «Я люблю Запад, я связан с ним моим воспитанием, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками», – писал он в «Ответе Хомякову» (1845) [1.Т.1.Р.2.С.192]. Несправедливы были упреки Киреевскому и в том, что он призывал перестроить государственную и общественную жизнь России по древнерусскому образцу. Принципу историзма он не изменял в оценках не только западной, но и русской культуры. «Всякая форма жизни, однажды прошедшая, уже более невозвратима, как та особенность времени, которая участвовала в ее создании. Восстановить эти формы – то же, что воскресить мертвеца, оживить земную оболочку души, которая раз уже отлетела», – трезво рассуждал он [1.Т.2.С.38]. Другое дело, что новые формы жизни, философии, искусства Киреевский соотносил с заветами Христа, Правильное истолкование которых он находил в сочинениях Отцов православной церкви. Однако его убеждение, что не только этические и эстетические, но и социальные проблемы имеют нравственно-религиозное решение – это, конечно, была утопия, весьма уязвимая для критики идеологических оппонентов.

В «Обзрении русской словесности», а затем в философских статьях «О характере просвещения Европы и его отношении к про-

свещению России» (1852) и «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856) он писал об отличиях западной и восточной культур. Несмотря на то, что они имеют общий корень – христианство, вера европейцев – односторонняя, рассудочная, далекая от идеала Христа; вера русских и многих других славянских народов, православие, – «обнимает рассудок и чувство, волю и воображение в нечто единое целое». Отсюда Киреевский делал вывод, что православие в большей мере, чем западное христианство, соответствует «умственным стремлениям» его соотечественников, а потому именно на его основах должна создаваться новая философия. Эти выводы послужили Киреевскому обоснованием путей развития русской литературы.

В публикациях славянофильского периода он внес ряд корректив и в свою трактовку понятия народности. Киреевский доказывал, что психологическому складу русского человека соответствует православное мышление. Поэтому объединяющей нацию идеей он однозначно называет православие, а ее носителем считает простой народ с его детской верой. Если в 1828 г. в статье о Пушкине Киреевский писал о двойственности русского национального характера, то в работах славянофильского периода основным его свойством он называет смирение. Однако, как справедливо заметила Е.И. Аненкова, следует иметь в виду, что «смирение в славянофильском контексте предполагает духовное самоотречение нации, способность не измерять себя, внутренний состав своей жизни, внешними, даже самыми привлекательными критериями» [5.С.127]. В понимании Киреевского, смирение означало не социальную приниженность, а свойственное народному сознанию стремление к «высшей духовной красоте». Поэтому он призывал интеллигенцию подняться до смирения народа и принять из его рук идеалы православия. Трактовка Киреевским народности получала, таким образом, классовую «прибавку», но она имела религиозно-этическое обоснование. Соответственно перед писателями ставилась задача оценивать изображаемое с точки зрения духовных идеалов своего народа.

В «Обозрении...» Киреевский дает характеристику направлений русской литературы, представленных различными журналами. Особый интерес исследователей вызывает раздел, посвященный «Отечественным запискам». Думается, нельзя объяснить «нелюбовь»

Киреевского «к реалистическому направлению и Белинскому» только «обозначившимися чертами его программного славянофильства» [6.С.182].

Как отмечалось выше, он по-своему понимал задачи литературы, предмет ее изображения, народность, назначение художника. К тому же Киреевский считал ошибочной теоретическую основу «натуральной школы», поскольку она заимствовала из западной философии «отрицательную», рационалистическую «линию». Для развития науки и практической деятельности логическое мышление дает «много полезного и дельного». Но в искусстве установка на «отрицание» приводит к тому, что предметом изображения становится только «практическая» (т.е. социальная и политическая. – Г.Ч.) действительность. В результате «интересы минуты вытесняют поэзию» и литература превращается в публицистику. В Европе, утверждает Киреевский, господствующий рационализм уже привел к тому, что «роман обратился в статистику нравов», а «историческое сочинение используется для доказательства какого-нибудь общественного убеждения» [1.Т..2.С.2-3]. Та же опасность может подстерегать и русскую литературу, если она не осознает, что «поэзия» невозможна без чувства художником «положительных начал», основы которых заложены в православии. Отрыв от национальных духовных корней, ориентация на чуждые ценности, «лишенные внутреннего источника жизни», порождает в искусстве «совершенное бесчувствие ко всему художественному, явное презрение всякого мышления, не ведущего к материальным выгодам, <...> пухлые фразы с самым узким смыслом, осквернение святых слов: чело-веколюбие, отечество, общественное благо, народность», – справедливо предсказывал Киреевский [1.Т.2.С.36-37].

Конечно, отношение Киреевского к «натуральной школе» и Белинскому было достаточно субъективным. Выступая против социальной тенденции в искусстве «отрицательного направления», он отстаивал тенденцию религиозную. Как и его оппоненты, Киреевский использовал литературу в качестве повода для обсуждения идеологических проблем. Можно упрекнуть его в том, что он создавал свой миф о народе-богоносце. Приходится констатировать, что в его статьях проявились все специфические черты русской критики: идеологизированность, публицистичность, тенденциозность. Но нельзя не признать, что суждения Киреевского о художествен-

ных явлениях поднимали критику на уровень философии и указывали путь к вершинам, которых достигла русская классическая литература.

Литература:

1. Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. – М., 1861.
2. Герцен А.И. О развитии социалистических идей в России // Собр. соч.: В 30т. Т. 7. – М. 1956.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. - М.
4. Лясневский В. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. –СПб., 1899
5. Аненкова Е.И. Русское смирение и западная цивилизация // Русская литература. – 1995. – №1.
6. Кулешов В.И. История русской критики XVIII-начала XX веков – М., 1991.